

— первая среди лучших —

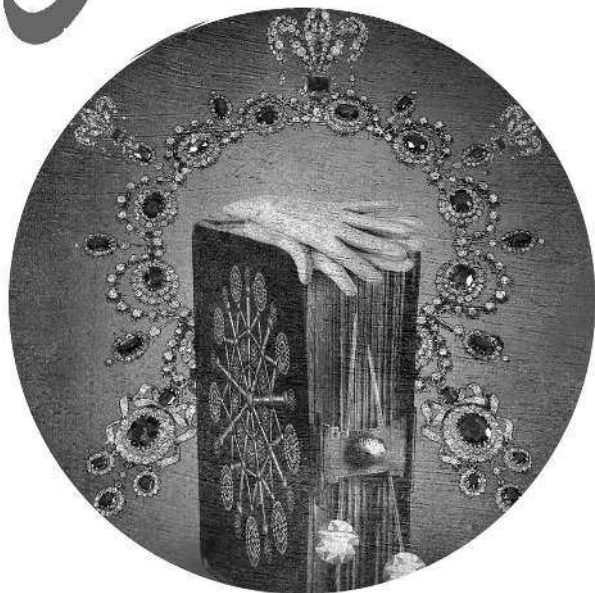

Татьяна Устинова – первая среди лучших!

Читайте детективные романы:

Мой личный враг
Большое зло и мелкие пакости
Хроника гнусных времен
Одна тень на двоих
Подруга особого назначения
Развод и девичья фамилия
Персональный ангел
Пороки и их поклонники
Миф об идеальном мужчине
Мой генерал
Первое правило королевы
Седьмое небо
Запасной инстинкт
Богиня прайм-тайма
Олигарх с Большой Медведицы
Близкие люди
Закон обратного волшебства
Дом-фантом в приданое
Саквояж со светлым будущим
Пять шагов по облакам
Гений пустого места
Отель последней надежды
Колодец забытых желаний
От первого до последнего слова
Жизнь, по слухам, одна!
Там, где нас нет
Третий четверг ноября
Тверская, 8
На одном дыхании!
Всегда говори "Всегда"
С небес на землю
Неразрезанные страницы
Один день, одна ночь
Сразу после сотворения мира
Где-то на краю света
Сто лет пути
Ковчег Марка
Чудны дела твои, Господи!
Шекспир мне друг, но истина дороже

ТАТЬЯНА Устинова

Хроника гнусных Времен

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Оформление серии *С. Груздева*

Под редакцией *О. Рубис*

В оформлении книги использован шрифт «Клементина»
«© Студия Артемия Лебедева»

Устинова, Татьяна Витальевна.
У80 Хроника гнусных времен : [роман] / Татьяна Устинова. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. — (Татьяна Устинова. Первая среди лучших).

ISBN 978-5-699-88197-0

Кирилл никак не предполагал, что девушка в очках по имени Настя окажется ему настолько дорога и он, плюнув на поездку в Дублин, будет заниматься расследованием смерти ее бабушки! Настя не верит, что бабушка погибла, уронив в ванну фен. Кирилл, обследовав дом, согласен с ней. И теперь не только Насте и ее родственникам, но и Кириллу хочется выяснить: на какие деньги полвека безбедно существовала старушка, которая оставила в наследство и бриллиантовое кольцо стоимостью в сто тысяч долларов, и домик на берегу Финского залива, и старинную библиотеку? И кто это шарит вокруг дома в темноте, кто пытается уморить наследников старушки и отыскать остальные сокровища?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Устинова Т.В., 2016

© Оформление.

ISBN 978-5-699-88197-0

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

«Только теперь Спящая красавица умерла.

Людоед до сих пор жив и работает в городском ломбарде оценщиком».

Евгений Шварц «Тень».

Это очень просто. Нужно только ни о чем не думать.

Все будет хорошо. Просто не думать о том, *как* это будет. Нельзя жалеть старуху. Хватит, пожила, пусть теперь даст пожить другим. Конечно, она ни в чем не виновата, но раз уж она оказалась прямо на пути, то и черт с ней. Ждать, когда помрет сама, — некогда. Времени мало, очень мало, совсем нет. Еще чуть-чуть, и она может открыть тайну, и тогда руки будут связаны. Надо успеть управиться.

Успеет!..

В коридоре горели всего две лампы, и пахло цветочным мылом и еще какой-то парфюмерией — старуха наводила красоту. Это она умела. Никто в жизни не дал бы ей ее семьдесят с гаком.

Лето, жара, питерское солнце, ошалев от собственной смелости, плавит асфальт. Упоительно, как бывает только в детстве, пахнет битумом, свежескошенной травой и водой из Невы. Бабушка покупает мороженое. Она всегда покупает мороженого столько, сколько захочешь. Хоть у каждого ларька. Продащица улыбается, шершавый толстенький вафельный стаканчик увесисто холодит ладонь, и мороженое сверху сразу начинает подтаивать, и его приятно слизывать, и язык становится ванильным и твердым от холода. Бабушка хохочет — она никогда не смеется просто, она всегда хохочет, у нее белые зубы и веселые морщинки вокруг глаз, — и поправляет невесо-

мый газовый шарф в стиле пятидесятых, который летит в невском ветру и питерском солнце как будто сам по себе. А у Исаакия — это всем известно — стоит еще одна тележка с мороженым, и, когда они дойдут до нее, бабушка купит еще, и можно не бояться, что это кончится слишком быстро.

Через минуту, если все пойдет по плану, она умрет.

И зачем только вспомнилось это дурацкое мороженое!..

Она весело прожила все свои семьдесят с гаком, ну и хватит, и все, и не надо думать об этом! Это просто дело, такое же, как все остальные дела. Ну пусть не такое же, но дело, только и всего. Ничего личного. Никаких воспоминаний, и черт с ним, с этим мороженым!..

Все было приготовлено заранее.

Вода плескалась, и старуха что-то пела себе под нос. Ей-то легко — она ничего не поймет и ни о чем не узнает. Ей было легко всю жизнь, и сейчас, в такой ответственный момент, ей тоже легко — почему такая несправедливость!

Дверь не скрипнула, стоило похвалить себя за предусмотрительность. Старуха сидела спиной, пела и любовно намыливала длинную, розовую от горячей воды руку. У нее были прямые плечи, и волосы забраны под цветастую косынку, и на шее не видно никаких морщин. Сознание на минуту сдвинулось и поехало куда-то — может, это и не старуха вовсе? Может, нужно обойти ее и... посмотреть?.. Чтобы не ошибиться?

Нет. Смотреть нельзя.

Два тоненьких проводочка вдруг как будто раскалились и теперь жгли ладонь, и не было стаканчика с мороженым, чтобы остудить ее.

Теперь быстрее. Нечего просто так тарашиться.

Ладно. Можно зажмуриться, чтобы не видеть, как это будет.

Проводочки невесомо скользнули по ладони и неслышно, как змеи, стекли в мыльную воду.

Дом как будто вздрогнул, и даже странно было, что ничего не произошло. Даже свет не погас. Пот потек по лицу, и его приходилось слизывать языком, чтобы он не попадал на губы. Это было противно. К счастью, дверь в ванную, за которой помирала старуха, была уже далеко.

Интересно, это бывает быстро, как в кино, или нужно ждать?

Ладно. Ладно! Об этом нельзя думать.

В кармане были перчатки, которые плохо налезали на потные от страха руки. Нужно осторожно отцепить провода от уличного выхода проводки. Старуха уже давно должна проходить собеседование с архангелом Гавриилом.

Виниловые змейки, утратившие свою силу, показались теперь незначительными и скучными. Они легко наматывались на кулак, только оголенные хвосты были мокрыми. При виде этих мокрых хвостов опять накатила тошнота.

Теперь остается только закончить все, как надо.

В доме было тихо. Свет в коридоре горел, только старуха больше не пела. Пакет с феном лежал на столике, рядом с керамической вазой, которую они, дети, однажды разбили и за которую тогда им очень попало. Вазу кое-как склеили и водрузили на столик. Чтобы поставить в нее цветы, приходилось засовывать внутрь литровую стеклянную банку.

Дверь опять не скрипнула.

Да. В кино все показывают правильно. Старуха была мертва. Платка на волосах уже не было, седые космы плавали в воде, как невиданные отвратительные водоросли цвета перца с солью.

Платок нужно взять с собой. Это совсем лишняя деталь декорации. В кармане от него моментально стало мокро. Фен, вынутый из пакета, тихонько плюхнулся в воду, задев болтающуюся безвольную руку. От шевеления этой руки горло залила кислая рвота. Только этого еще не хватало!

Быстрой вырваться отсюда на волю, на воздух!
Проклятая бабка!..

Да, еще пробки.

Белая пуговка с легким щелчком выстрелила в ладонь, и дом рухнул в темноту, как в пропасть.

Ну вот, теперь все в порядке.

Машина стоит совсем с другой стороны. На соседних участках никого нет, но осторожность прежде всего. За кустом смородины знакомая с детства дырка в заборе — через нее вошли, через нее и выйдем.

Все просто, даже проще, чем казалось сначала.

Ну что, бабуля? Как там тебя встретил архангел Гавриил? Куда направил? В рай?

Не может быть, чтобы в рай. В аду тебе самое место. Туда ты и отправилась.

Первый пункт коротенького списка можно считать выполненным. Осталось всего два.

Оказывается, убить — это так просто.

Он не хотел подслушивать, но сидел так, что слышал каждое слово.

— ...я больше не хочу, правда! Я специально позвонила, я только что с работы, устала как собака, а ты опять поддаешь, да еще с какими-то бабами!

— Ну с какими бабами, ты что? Да я даже не знаю, как ее зовут, честное слово! Это Витек с ней пришел...

— Какой еще Витек, никакого Витька нет, ты бы хоть врал как-нибудь поумнее! Я разве не вижу?! Сколько ты уже высосал своего пива?! Бочку?!

— Насть, ну правда, ну послушай меня, я понятия не имею, что это за баба...

— Однако она у тебя на коленях сидела, когда я подошла!

— Ну что ты выдумываешь-то, Насть!

— Слушай, хватит, а? Все, я уезжаю домой и не хочу больше ничего слушать! Я тебя специально просила, а ты!..

— Ну давай я с тобой поеду, что ты, ей-богу! Вечно ты начинаешь...

— Это не я начинаю, это ты начинаешь, хотя я миллион раз...

— Ну давай, давай я поеду, только мне надо выкупаться.

— Хорошо, купайся, я подожду.

— Пойдем к ним, неприлично же. Что ты меня, как маленького, отчитываешь! Давай садись, а я искупаюсь. Где ты припарковалась?

— Нигде. У моста.

Зажигая сигарету, Кирилл искоса глянул на ссорящуюся парочку, и все стало ясно.

Она была обыкновенная — короткое полотняное платьице, туфли без каблука, гладкие волосы, очки и необъятный портфель, который она судорожно прижимала к боку. Он — высоченный, широкоплечий, рельефный атлет с лицом, красным от смеси пива, унижения и желания оправдаться.

Он хватал ее за руки и за ремень портфеля, а она отпрыгивала от него, увязая в песке офисными туфлями, и отцепляла от себя его руки.

«Ребята», в непосредственной близости от которых разыгрывалась милая семейная сцена, деликатно смотрели в другую сторону, а лежащая на полотенце девица, такая же рельефная и фигуристая, наоборот, смотрела пристально и усмехалась со злорадным превосходством.

Ну все, парень, решил Кирилл. Ты пропал. Что ж ты жопу с титьками на колени посадил, когда должны были приехать портфель с очками? Или от пива развезло совсем?

Девушке в очках он сочувствовал не слишком.

Ему все стало понятно с первого взгляда, и он не верил, что кому-то что-то может быть непонятно.

Ты просила его провести вечер вместе, а он ушел от тебя на пляж с «ребятами», грудастой макакой и ящиком пива. Каждому свое. Вместо того чтобы выкрикивать какие-то бессмысленные угрозы, и выры-

вать руку, и разъяренно сверкать на макаку очками, а потом все же тащиться за своим Аполлоном к «ребятам», и делать вид, что ничего не произошло, и бодро закуривать предложенную сигарету, и старательно не смотреть на совершенное загорелое тело в двух веревочках — где-то в районе бюста и где-то в районе бедер, — и игнорировать победительную улыбку, и покорно выжидать, когда Аполлон все же соизволит пойти с тобой — а может ведь и не соизволить! — вот вместо всего этого взяла бы ты свой портфельчик, села бы в свою машину, припаркованную у моста, да и поехала домой, телевизор смотреть и на диване валяться.

Кирилл Костромин не признавал запутанных отношений и не верил, что раны можно лечить путем постоянного ковыряния в них.

Впрочем, это совсем не его дело.

Ему нечем было заняться этим вечером в Питере, и он даже жалел, что принял от партнера приглашение на шашлыки. Завтра до обеда он проваляется в отеле, если только ему не взбредет в голову какая-нибудь пионерская фантазия, вроде, например, посещения колоннады на Исаакиевском соборе или прогулки по Летнему саду. К трем его ждут на даче, полдня и полночи придется попеременно пить, есть и париться в только что возведенной партнером баньке, которой хозяин гордился ничуть не меньше, чем Монферран своим бессмертным творением.

К полудню субботы Кирилл Костромин проснется с чугунной башкой и отвратительным настроением, которое всегда наступает у него назавтра после попойки, и — в Москву, в Москву!

Хорошо еще, если проснется в своем отеле, а не на чужом диване в обществе чего-то вроде той макаки с веревочками в районе бюста.

Тугой теплый ветер бросил в щеку песок. Кирилл открыл глаза. Мимо, сверкая розовыми поросычьими пятками и вздымая чистый песок, прошлепал щекастый бутуз в панаме и с ведром на буксире. Кириллу

стало смешно. Он проводил бутуза глазами и снова зажмурился, подставляя ветру лицо.

Нева плескалась у ног, норовила залезть в ботинки, но ему лень было подняться и переставить их подальше. Город шумел на том берегу, а казалось, что далеко-далеко. В небе сияло два солнца — привычное и гигантский золоченый купол Исаакия. Нева пахла водой и свежестью, а вовсе не бензином, как изнемогающие московские сточные канавы, гордо именуемые реками. От нагретого серого камня Трубецкого бастиона несло ровным теплом, и Кирилл даже слегка недоумевал, почему никогда раньше ему не приходило в голову просто посидеть на пляже у Петропавловской крепости.

Он заехал сюда случайно — среди дня вдруг кончились дела, и он понял, что не знает, куда деться до вечера. Хотелось есть, но на Невском негде было поставить машину. Он долго ехал, потом куда-то повернул, попал на Большую Морскую с односторонним движением, выискивая место для парковки, не нашел, и в конце концов его вынесло на Дворцовый мост. За мостом была стоянка, но не было ресторана, — по крайней мере, в зоне видимости, — и он пошел к Петропавловской крепости, осеняющей огромное знойное небо золотыми крыльями летящего ангела.

Пивнушку под зеленым тентом с шаткими пластмассовыми столами и стульями он обошел стороной и развеселился, осознав собственную осторожную брезгливость.

Эк тебя угораздило, господин Кирилл Костромин!

Не подходит тебе пивнушка. Брезгуешь.

А столовку для дальнобойщиков в городе Мелитополе забыл? Как ты там борщ наворачивал и какие-то немислимые котлеты, хорошо если из бумаги, а не из навоза, не помнишь? А как автостопом в Крым ехал и там с голодухи по темноте рылся в помойке за кафешкой с шикарным названием «Чайка», отыскивая съестное? Как грузчиком нанимался в овощной ларек

и таскал из ящиков желтые, вонючие толстокожие огурцы, больше похожие на мелкие дыни? Как яблоки воровал из колхозного сада, тоже, конечно, не помнишь?

И лет-то с тех пор прошло всего ничего — вовсе не сорок и не пятьдесят, а только десять.

— ...поставь меня сейчас же, я сказала! Отстань! Отцепись! Прекрати сию минуту! Ну!..

Очевидно, поединок очкастого портфеля в полотняном платье с бронзовым Аполлоном разгорелся с новой силой. Кирилл нехотя открыл глаза и посмотрел в ту сторону.

Аполлон легко, как в кино, тащил ее в Неву, вместе с очками и портфелем, а она молотила по нему бледными кулачками и злилась, кажется, по-настоящему. Блондинка перевернулась на бочок, подперла щеку и наблюдала с интересом.

Все правильно. Никуда ехать с тобой он не собирается. Он совершенно уверен, что ты просто ломаешься, в тебе разыгралась женская дурь, сейчас он тебя развеселит, пощекочет, потреплет, нальет пива, и ты успокоишься, повеселеешь и станешь такой же, как они — «нормальной девчонкой».

Вот скука.

Кирилл дернул рукой, чтобы часы съехали на запястье. Он просидел на этом пляже два с половиной часа — надо же! Когда в последний раз он вот так — ни на что — тратил драгоценное время?

Все-таки нужно найти ресторан и поесть, наконец. Или ничего не выдумывать и вернуться в свой «Рэдиссон»? Там он еще ни разу не ужинал.

Он поднялся и стряхнул песок с безупречных светлых брюк. Солнце убралось за Петропавловскую крепость, и в небе сиял теперь только Исаакий, и набережная шумела машинами, и Дворцовый мост парил над Невой, и чайка, распластавшись над темной водой, высматривала добычу.

Кирилл любил Питер с тех самых пор, как в первый раз, лет в восемнадцать, приехал сюда автосто-

пом и болтался в толпе нестриженных хиппи в кафе «Сайгон» на углу Владимирского проспекта. Там его подцепило золотоволосое растение женского пола, которое звали Луна. У Луны были длинные, почти белые волосы, зеленые русалочьи глаза, вечная сигаретка в розовых губах сердечком, родинка на правом плече и совершенно определенное представление о том, как именно следует переделать жизнь, чтобы она стала простой и прекрасной. От роду Луне было шестнадцать лет, и она ушла из дома в коммуны как раз для того, чтобы начать переделывать эту жизнь по-своему.

Тогда их представление о переустройстве мира заключалось в курении марихуаны, пении странных песен, вплетении в лунные волосы разноцветных шерстяных ниток, старательном — с высунутым от усердия языком — вырезании на джинсах удивительных фигур, полосочек, звездочек и кружочков, нанизывании бус и в бурном шестнадцатилетнем сексе на тощих матрасах, наваленных прямо на полу жутких коммунальных квартир.

Потом за Луной явился папа в сопровождении милиции, и Кириллу Костромину тогда чуть было не пришел конец.

Как это он выбрался из всего этого?

Самое странное, что нынешний «Рэдиссон», в котором Кирилл останавливался, привычно не замечая его богатого благолепия, как раз заменил собой тот самый знаменитый «Сайгон», как нынешний Кирилл Костромин заменил того, кто резал джинсы, заплетал косы и потел на древней вате бугристых матрасов.

Он обулся на щекотной, ровно подстриженной траве и еще обошел крепость, влез по шаткой лестничке на Трубечкой бастион, откуда открывалась «Невская панорама», как это именовалось на плакате над кассой. «Невская панорама» предлагалась за десять рублей. Детям и пенсионерам — скидка.

Все-таки турецкоподданный Остап Бендер-Бей

был большой молодец. Скольким ребятам он благородно указал путь отъема денежных средств в рамках Уголовного кодекса! Ему бы не в Одессе памятник, а у каждой «Невской панорамы» по памятнику поставить, это было бы справедливо.

Кирилл спустился по другой лестничке и побрел к своей машине в толпе громогласных немецких туристов, которых неизвестно зачем принесло на ночь глядя в Петропавловскую крепость.

Машина, оставленная на солнце, раскалилась, как забытый на плите чайник. До руля нельзя дотронуться, кресла исходили синтетическим жаром, и страшно было даже подумать, что придется опустить себя в огненную обивку — жерло вулкана.

Он запустил двигатель, включил кондиционер, оставив стекло открытым, а сам предусмотрительно остался снаружи — покурить.

И тут он снова ее увидел. Ту самую, что в очках, с портфелем и Аполлоном.

Она сидела в двух шагах от него, в старенькой «Хонде», которая хрюкала, плевалась и не заводилась. В машине она была одна, Аполлона поблизости не наблюдалось. Очевидно, эту партию он выиграл и остался допивать пиво на пляже с «ребятами» и макакой.

С каждым поворотом ключа «Хонда» хрюкала все слабее и слабее, а девица все крутила и крутила стартер, приближая безвременный конец своей машины.

Да и черт с ней. Не станет же он вмешиваться. Это совершенно не его дело. И девица ему не понравилась еще на пляже. Кирилл не любил, когда позволяют вытирать о себя ноги, а она позволяла, да еще публично.

Он посмотрел на свою сигарету. От курева есть захотелось еще больше.

— Девушка, — сказал он, рассматривая сигарету, — у вас аккумулятор сел. Когда в последний раз вы выключали фары?

Она мрачно взглянула на него, дернула головой и с ожесточением повернула ключ зажигания. «Хонда»

прощально кашлянула и затихла. Было совершенно ясно, что навсегда.

— Ч-черт, — сморщившись, выговорила девица, — черт, черт, черт.

Кирилл докурил свою сигарету и бросил окурочек в урну.

— Я ее теперь ни за что не заведу, — сказала девица, обращаясь к рулю своей страдальницы-машины, — она «автомат». Конечно, фары. Я их вечно забываю. И сейчас забыла.

— Поздравляю вас.

— Спасибо, — неожиданно ответила она, выскочила и задрала капот. Некоторое время молча рассматривала мотор, а потом обратилась к Кириллу: — У вас есть «крокодилы»?

Кириллу не хотелось с ней возиться. Конечно, у него были «крокодилы», но проще было сказать, что нет.

Однако сказать он ничего не успел.

— Пожалуйста, — попросила девица, моментально став смирной, — если можно, пожалуйста. У меня сегодня день такой. Ужасный.

— Ну да, — согласился Кирилл и пошел к своей машине.

Конечно, он не может просто так взять и уехать. Раз уж вообще с ней заговорил. Придется быть благородным до конца.

Он погрузился в кондиционированную прохладу салона и с наслаждением подышал, выгоняя из легких жару и сухость. Льняная рубашка липла к спине, и он с неудовольствием подумал, что даже не знает, нет ли на ней мокрых разводов. Плохо выглядеть Кирилл Костромин не любил.

Он повернул ключ — мотор заурчал сыто и почти неслышно, — вырулил из-за «Хонды», встал во второй ряд и включил аварийную сигнализацию. Девица из-за задранного капота наблюдала за его перемещениями с настороженным интересом.